

УДК 130.2

ТРАДИЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Н.М. МАМЕДОВА

Рассматриваются особенности возникновения и трансляции традиций в пространстве культуры. Показано, что социокультурная ретроспектива обнаруживает самые разнообразные социальные программы передачи накопленного опыта (миф, ритуал) и их организации в традиции. Сделан вывод о сложном переплетении демонстративных и императивных, невербальных и вербальных способов создания и поддержания традиций.

Ключевые слова: культура, ритуал, миф, вербальная рефлексия, традиция, язык, кодификация.

Проблема традиций – это проблема условий человеческой деятельности. Поэтому идеализация прошлого, с одной стороны, и рационалистический критицизм, протест против традиции как авторитета прошлого, с другой стороны, одинаково элиминируют проблему традиций как условий, предпосылок культурного творчества.

Человек каждым актом своей жизнедеятельности втягивает себя в поток определенного рода необходимости. М. Вебер вводит понятие традиционного действия как своеобразного автоматизма. Традиция исполняет роль клише в поступках, образе мышления, ценностных предпочтениях, поскольку в ней актуализирован предшествующий опыт. Не прошлое как таковое учит людей, а прошлое, организованное в традицию. Из практически неограниченных возможностей, какие содержит прошлое, традицией становятся только некоторые из них. Что именно из прошлого актуализируется, а что остается просто историческим фактом? В традиции опредмечивается опыт прошлых поколений, по крайней мере, двумя путями – в форме образцового единичного действия (прецедента) и в форме некоторого универсального закона (кодекса, ритуала, инструкций и т.п.). Каждый закон является своеобразной парадигмой для продуцирования истолковывающих ее образцов, а прецедент иллюстрирует идеальный образец, закон. Преемственность традиции обеспечивается, таким образом, различными и вместе с тем взаимосвязанными принципами – кодифицированием поступка и закона.

Первая форма трансляции традиции – это форма демонстрации, с помощью которой прямо и непосредственно показывается одним человеком другому какая-либо деятельность или использование какого-либо культурного артефакта. Это подражательная форма, возникшая в культуре для передачи значимого для сообщества эмпирического содержания. К демонстративным формам относятся примеры, образцы, эталоны, каноны, прецеденты, а также такие культурные образования, как привычки, обычаи, ритуалы. Они непосредственно вовлекают человека в деятельность, передают сложившийся в данном сообществе тип поведения, действия, отношений и т.д.

Вторая форма передачи традиций носит императивный характер. Это форма предписания, которая передает содержание путем инструкций, через побуждение, через приказ. Императивные формы возникают на базе демонстративных форм. Они являются социальной рефлексией по поводу идеальных образцов. Например, поучение, инструкция часто прямо выходят из форм демонстрации как их словесное описание, но эти формы развиваются в самостоятельную сложную систему в культуре – нормы, запреты, догматы, лозунги, призывы, законы, указы и т.п. Древние культуры, получившие название традиционных культур, пользовались прежде всего демонстративными формами трансляции своего содержания. Например, передача опыта нравственных отношений, опыта морального поведения начинались со следования образцам и прецедентам. Затем формируются нормы-запреты (табу, мифологические тексты древности или тексты пирамид). В античную эпоху и позже подробно обсуждается ценностное содержание нравственного сознания и систематизируются нравственные ценности (Сократ, Аристотель),

оформляются на основе универсальных предписаний нравственности, например, принципы христианской морали и других религиозных систем. Сложение различных религиозных традиций в культуре подтверждает эту закономерность. В результате некоторого эмоционального напряжения, возникшего вследствие какого-либо внешнего импульса (скрижали, явленные Моисею, потрясения Сидхартхи Гаутамы, творимые Христом чудеса и т.п.), пророк демонстрирует своей жизнью (или мученической смертью) эталонный образ существования. Затем происходит канонизация поведенческого образца в заповедях (Бенаресская проповедь, Нагорная проповедь и т.д.), т.е. формируется поведенческий императив. Эмпирический прецедент обретает устойчивую культурную форму, которая становится основой традиции, наделяется безусловным авторитетом. В целях сохранения священного смысла откровения все религиозные традиции приходили к необходимости кодификации и самих священных текстов. В истории религии кодификация предполагает два уровня:

- 1) установление «правильности» текстов, т.е. адекватность текста первоисточнику;
- 2) установление списка текстов, образующих канон.

В дальнейшем Писание сакрализуется, причем происходит сакрализация не только смысла, но и текста, языка Писания, формируется эмоционально напряженное отношение к духу, слову, букве Писания, которое характерно для религий Писания (иудаизм, христианство, ислам).

Учение в религиях Писания консервативно, любые модификации невозможны. Писание составляет смысловой центр, порождающий новые смыслы и новые тексты. В свою очередь культура, образуемая вокруг религий Писания, находится в огромной зависимости от него. Складывается разнообразная литература смешанного конфессионально-светского характера вокруг ядра основополагающих текстов вероучения. Все религии Писания приходят к необходимости определенного толкования, интерпретации сакрального текста, что связано с повышенным вниманием к авторитетному слову и стремлением сохранить его изначальный смысл. Со времен античности известен принцип аргументации со ссылкой на авторитет. Опора на авторитет, цитата в виде логического моста, принцип "сам сказал" (вождь, учитель, пророк), обретает в культурах Писания, основанных на святости слова, наделенного трансцендентной сущностью, особую значимость. Такие приемы доказательства, имеющие в истории культуры многовековую традицию, связаны с потребностью удерживать в коллективном сознании социально значимое знание. В коммуникации складываются определенные социокультурные, психологические приемы, закрепляющие авторитарные установки общения, что позволяет обществу сохранять и воспроизводить традицию.

Логика нравственного развития личности также повторяет логику развития основных культурных форм. Моральное становление личности начинается со следования образцам, с усвоения правил поведения – этикетных норм, затем формируется моральное сознание личности, которое содержит определенные моральные ценности, позволяющие принимать нравственные решения в сложных ситуациях, когда нет готовых правил действий.

Культура – это скрещивание всех элементов настоящего опыта с заданной, определяющей их структуру сюжетной формой, воплощенной в традициях. Способы передачи культурного наследия отражают сложную эволюцию культуры, форм познания мира от дорефлексивной невербализованной к рефлексивной вербальной модификации. Исследователи, ставящие вопрос о генезисе ритуала, мифа, языка, считают, что ритуальное действие было первым семиотическим процессом, на основе которого формировались мифологические представления и язык. Так, В. Иванов пишет: «Согласно новейшим исследованиям язык символических действий как в истории отдельного человека, так и в истории человечества предшествует словесному языку и служит базой для усвоения последнего» [2, с. 351]. В пользу таких теорий приводятся следующие аргументы:

- наличие невербальных ритуалов в архаических культурах;
- вербальная часть многих ритуалов носит вторичный характер.

Н.Б. Мечковская считает показательной в этой связи этимологию слов "клятва" и "присяга", которые обозначают, по ее мнению, древнейшие жанры фидеистического слова [3, с. 5]. Современное сознание воспринимает клятву и присягу как словесные ритуалы, однако этимология свидетельствует о том, что первоначально в их основе лежало не слово, а жест, телодвижение. Слово "клятва" (общеславянское) связано с праславянским глаголом *kloniti*: «славянин во время клятвы склонялся до земли, касаясь ее рукой» [8, с. 38]. Ритуал присяги состоял в прикосновении к некоторому значимому предмету – обрядовому символу (земле, жертвенному очагу, оружию, священному камню и т.п.). Ритуальный жест и телодвижение сохраняются и в поздних светских ритуалах, а также нередко при неритуальных обещаниях (целование знамени, присяга на своде законов или Библии в суде). Эти лингво-семиотические факты свидетельствуют о том, что в древнейших ритуалах жест предшествовал слову.

Первые мифологические представления, являющиеся, по К. Юнгу, формами «коллективного бессознательного», также первоначально существовали в невербальной форме. Генетически исходными формами бытия мифа являются жест, ритуал, действие. Мифическое мышление обладает яркой кинестетичностью, связанной с ролью пластических средств в познании, общении, передаче знания. Объективной основой такой невербальной, кинестетической природы мифического сознания являлась органическая включенность первобытного человека в природу, подстраивание под ее ритмы. В мифическом сознании главную роль (при наличии зарождающейся и становящейся логико-понятийной сферы) играют телесно-перцептивные, невербальные и эмоционально-аффективные процессы, связанные с интуитивным видением. В основе кинестетичной, ритуальной практики лежат архетипы, врожденные и универсальные психические структуры, такие как: «я», «тень», «мать», «мудрый старик» и др. Возможно, именно такие генетически наследуемые и бессознательные психические образования мотивировали первые ритуальные телодвижения, жесты, становившиеся опорой для формирования как мифов, так и языка. В.Н. Топоров, анализируя этимологию слова «миф», писал, что миф – это «то состояние души, которое стучится в мир слова..., не довольствуясь ритуалом». Ритуал и протомиф предшествуют языку, выступают «и как последние шаги биологической эволюции, приведшей к антропогенезу, и как первые шаги человеческой культуры» [5, с. 60].

Ритуалу принадлежит особая роль как способу воспроизведения эталонных действий, осуществленных по преданию первым культурным героем, первопредком или богом, преобразовавшими беспорядок в гармонию. Считалось, что точное повторение этих действий позволяет возвратиться к моменту начала мира, когда еще не было зла, которое появилось позже в результате ошибок людей, и тем самым вывести общество из состояния хаоса к порядку и процветанию. В ритуале непостижимым образом любое освященное пространство совмещается с Центром Мира, а время начала ритуала – с Началом Мира. Поэтому тождество прецедента ритуалу является важнейшим фактором сохранения стабильности традиционных культур. Следование раз и навсегда установленным обычаям составляет тот стержень, на котором веками и тысячелетиями держатся их основные элементы. Представление о единстве микро- и макрокосмоса, имманентное для мифологии, в значительной степени обусловило жизнеспособность ритуала, его устойчивость. Поскольку Космос и общество регулируются одними и теми же законами, то ритуал призван поддерживать порядок не только в социуме, но и во всей системе мироздания.

Тэрнер В. [6, с. 110] анализировал структуру ритуала в аспекте четырех взаимосвязанных позиций – символической, ценностной, целевой и ролевой. Это позволило выявить три уровня смыслов, присущих ритуалу:

- 1) явный смысл, относящийся к очевидным целям ритуала и полностью осознаваемый исполнителями;
- 2) латентный смысл, находящийся на грани сознания субъекта, но способный быть полностью осознанным;
- 3) непроявленный смысл, полностью бессознательный и относящийся к базовому инфантильному опыту, общему для всех человеческих существ.

Полифункциональность ритуала объясняется его обращенностью к различным уровням организации внутренней жизни субъекта. Таким образом, ритуал предстает как самый древний способ передачи традиций в бесписьменных культурах. Информация, запечатленная и сберегаемая в ритуале, содержала в себе некую картину мира, образцы поведения, способствовала сохранению культурной идентичности этноса.

Архаический миф или протомиф в значительной мере также был невербальной, наглядно-действенной формой познания. В ритуале и мифе проявляется не столько отражательная функция познавательного процесса, сколько интерпретирующая, с перенесением субъекта познания, себя на другого, с сопереживанием, подражанием. В мифе, ритуале человек совершает проекцию себя на чудодейственную силу предков. Мифические образы вызываются не только внешними физическими, но внутренними физиологическими условиями и влечениями, психическими структурами (по К. Юнгу); архаическое мышление является психологической проекцией собственных представлений на мир, от которых отказывается рациональное мышление. Мифическое мышление носит не операциональный формально-логический, а вероятностный характер, ему свойственна опытно-эмпирическая аналитичность, отсутствие развитой рефлексивно-критической установки, обход противоречия. Специфика первобытной логики состоит в том, что она идет к цели не прямо и непосредственно, а окольным путем, перетасовывая, переставляя имеющиеся символические элементы, выделяя противоположности («бинарные оппозиции»). Чувственно-эмоциональное, иррационально-физиогномическое отношение первобытного человека к миру, ощущение опасности некоторых явлений и вещей явились, очевидно, одной из причин возникновения запретов, предписаний, ритуалов, табу как предпосылок формирования первобытной культуры, т.е. становления человеческого общества. Мифы, обряды и ритуалы в архаическом обществе становились формами соотношения мифического субъекта с образцами первобытной культуры, они предписывали человеку определенные нормы и ценности. Табу, запреты, предписания начинают играть роль коллективной воли, зарождающейся морали как формы самосознания общества. Мифы выступали «средством» поддержания природного и социального порядка, утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, санкционировали определенные нормы поведения. Поэтому миф является не просто аллегорическим, символическим рассказом или повествованием. Он переживается мифическим сознанием подобно устному «священному писанию», как действительность, влияющая на мир и человека.

Миф утрачивает свою социальную функцию по мере того, как перестает быть формой интеграции сообщества и способом передачи наследия. Тогда на смену ему приходят другие общественные регуляторы и формы трансляции традиций. Язык складывался как закрепление в звуке, «перевод» значений, которые наметились в мифологическом предсознании, и первоначально выражались в телодвижениях и жестах. Язык формируется как универсальная семантическая система передачи культурного опыта, норм и традиций, является одной из главных форм существования традиций в культуре, посредством которого мы ее усваиваем а priori. Язык определяет способ восприятия, мышления и действия.

Основоположник сравнительного языкознания, антрополог Вильгельм Гумбольдт считал, что «различные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [1, с. 349]. Это особый способ восприятия и мышления, который воздействует на характер народа и на духовную организацию человечества. Различия между языками – это не просто знаковые различия, слова и формы слов образуют и определяют понятия и являются различными «языковыми мировидениями». Через язык все созданное народом в прошлом воздействует на человека. Гумбольдт считал, что язык определяет не только мировидение, но и виды духовной деятельности, порождаемые своеобразием того или иного языка. Язык дает культуре и человеку предпосылки для развития внутренних сил. Он сохраняет традицию: «...прошлое и настоящее связано чередой поколений, между которыми в свою очередь создает духовную преемственность язык, но и сохранение духа в письменности также помогает преодолевать время и

расстояние» [1, с. 376]. В лоне языка покоится свернутая картина всех предметов, всех невидимых соединений и связей, форм восприятия и мышления.

Э. Кассирер, рассматривая язык как древнейшую символическую форму, в работе «Сущность человека» прослеживает этапы становления философии языка. Он отмечал начальную связь языка с магическими заклинаниями. Постепенно вера в магию претерпевает крушение, и человеком овладевает чувство беспомощности и одиночества. Он устанавливает новые отношения между языком и реальностью, заменяя магическую функцию слова его семантической функцией. Отныне слово, потеряв свою физическую силу воздействия, оказывается наделенным более высокой, логической силой. Логос становится принципом Вселенной и первым принципом человеческого познания. Этот переход прослеживается в ранней греческой философии. Так, для Гераклита Логос, еще не став выражением идеального чистого бытия, вместе с тем перестает быть феноменом чисто философского сознания. Философия природы начинает сменяться философией языка. Однако на этой ранней стадии развития философия языка, как считает Кассирер, разбивается об одну из самых трудных и спорных философских проблем – проблему «значения значения». На данной стадии этот вопрос может быть решен только исходя из той предпосылки, что познающий субъект и познаваемая реальность тождественны. Натурфилософы понимали это в чисто материальном смысле, считая, что микрокосмос точно соответствует макрокосмосу. Парменид считал, что невозможно отделить бытие от мысли. Но вскоре становится очевидным, что заполнить разрыв между вещами и их именами путем обнаружения общности их устройства не удастся, что признает уже Платон в своем диалоге «Кратил» [4, с. 413-496]. Однако мысль о наличии некоего сходства между вещами и обозначающими их звуками живет еще долгое время. Кассирер полагает, что на протяжении столетий препятствием для развития философии языка оставалось то, что вопрос о его природе постоянно подменялся вопросом о его происхождении. Этот способ объяснения присущ мифу, который способен трактовать явления настоящего только через события далекого (священного) прошлого. Анализ языка дает большой материал для изучения ментальных процессов, которые в целом восходят от восприятия конкретных состояний к все более высоким уровням абстракции. Самые ранние слова конкретны и выражают все нюансы конкретного сенсорного опыта при отсутствии родовых понятий.

В целом в примитивных обществах преобладает интерес к конкретным и частным аспектам вещей. Возникновение и развитие универсальных концепций и категорий в человеческой речи совершаются очень медленно, но каждый шаг в этом направлении ведет к лучшей ориентации и лучшей организации воспринимаемого нами мира, закреплению и передаче культурного опыта. Задача языка, как и мифологии, искусства, науки, по Кассиреру, – создание собственного человеческого мира – символической Вселенной, которая позволяла бы человеку интерпретировать, понимать, организовывать и синтезировать свой опыт. Как видим, язык в различных лингвистических и философских концепциях предстает как вербальный способ сохранения и передачи культурных традиций. В свою очередь, в различных культурах отношение к слову порождает те или иные культурные традиции.

Социокультурная ретроспектива обнаруживает самые разнообразные социальные программы передачи накопленного опыта, их организации в традиции. Это сложное переплетение демонстративных и императивных, невербальных и вербальных способов создания и поддержания традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. - М., 1985.
2. Иванов В.В. Примечания. Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М.: Наука, 1985.
3. Мечковская Н.Б. Язык и религия. - М., 1998.
4. Платон. Сочинения: в 3 т. - М., 1968. - Т. 1.

5. **Топоров В.Н.** О ритуале: Введение в проблематику. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. - М., 1988.
6. **Turner V.W.** Symbols in African Ritual. - Scitnce. Wash. - 1973. - № 4078. - Vol. 179.
7. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. - М., 1983. - Т. X.

TRADITIONS IN SOCIAL-CULTURAL RETROSPECTIVE

Mamedova N.M.

The article discusses the features of broadcast and traditions in the cultural space. Sociocultural retrospective reveals a wide variety of social programs transferring their experience, their organization in the tradition. The conclusion has been made about a complex tangle of demonstrative and imperative, nonverbal and verbal ways of creating and maintaining traditions.

Key words: culture, ritual, myth, verbal reflexion, tradition, language, codification.

Сведения об авторе

Мамедова Наталия Михайловна, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова (1973), доктор философских наук, профессор РГТЭУ, автор более 80 научных работ, область научных интересов – философия культуры, философская антропология.